ЮЛИЯ ЕПАНОВА

epanova77@yandex.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СЕКСУАЛЬНОСТИ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ (НА МАТЕРИАЛАХ МОЛОДЕЖНЫХ ФОРУМОВ)

Интерпретируя сексуальность: от инстинкта к тексту

Культура XX–XXI века характеризуется масштабной сексуализацией, когда сексуальность покидает приватную сферу и выходит в публичное пространство. Она становится частью художественных практик (при этом не только в массовой, но и в элитарной культуре), начинает рассматриваться как политический вопрос (в дискуссиях об эмансипации женщин и либерализации морали), выстраивается как проект идентичности (в политиках идентичности гей-лесби сообщества и феминистского движения). В конечном итоге именно XX век стал веком сексуальной революции. Такое широкое присутствие дискурса сексуальности неизбежно привело к становлению и развитию научного осмысления данного явления.

Первую теоретическую трактовку сексуальности сформировала институционализировавшаяся в начале XX века сексология. Ее зарождение и первый этап развития были связаны с работами таких исследователей как Р. Крафт-Эбинг, Х. Эллис, М. Хиршфельд, И. Блох, Э. Фукс, а классический этап – с исследованиями А. Кинзи и У. Мастерса и В. Джонсон.

Несмотря на разнообразие исследований, составляющих сексологическое направление, их объединяют несколько ключевых идей. Первое, из чего исходит сексология, это идея, что каждый человек наделен сексуальной природой от рождения. При этом секс понимается как одна из базовых, фундаментальных потребностей человека, составляющих его основу. Во-вторых, секс трактуется как мощная движущая сила нашего поведения, оказывающая воздействие практически на все сферы человеческой активности – от физической до психологической. В-третьих, естественный сексуальный инстинкт гетеросексуален, так как уже первые работы по сексологии в качестве цели сексуального инстинкта рассматривали продолжение рода. При таком подходе в качестве нормы утверждается исключительно гетеросексуальный генитальный контакт, так как только он может реализовать репродуктивную функцию. Ситуация несколько менялась в связи с исследованиями, направленными на нормализацию гомосексуальности, однако даже в современных сексологических исследованиях, где секс уже не трактуется как исключительно прокреативный, гетеросексуальность продолжает

рассматриваться в качестве основной нормы. Наконец, особенностью сексологии становится сциентистский подход. Она выстраивается как наука, основанная на эмпирических данных, получаемых в результате интервью, эксперимента, кейс-стади, глубинных интервью и наблюдения. Целью становится все более точное описание сексуальных желаний, поведения, удовольствия, что позволит раскрыть суть сексуальности, расшифровать ее загадку, выявить закономерности и соответственно, сделает ее прозрачной для понимания.

Параллельно с первым этапом становления сексологии, формируется и получает широкое распространение психоаналитическая теория Зигмунда Фрейда (1856 – 1939 гг.), которая стала одной из наиболее значимых не только для своего времени, но и для современности, перешагнув границы психологии и найдя свое развитие как социально-философское и культурологическое учение.

С одной стороны, многие идеи Фрейда были созвучны идеям сексологии. Секс трактовался как биологический феномен, а сексуальность – как базовая врожденная характеристика человека, определяющая большинство форм нашего поведения, а также особенности нашей психологии. Также Фрейду, как и сексологам, свойственно понимание сексуальности в дихотомии «норма-патология» (или, менее жестко – «норма и отклонение»), причем в качестве основной нормы также рассматриваются генитально-центрированные гетеросексуальные отношения, основанные на любви и моногамии.

Однако, принципиальным отличием от сексологического понимания, была иная трактовка цели сексуального инстинкта. Для Фрейда она состоит не в репродукции, а в получении удовольствия. А сексуальное удовольствие можно получать не только от полового акта, но и от поцелуев, наблюдения за объектом желания и т.п. Разнообразие эротических зон и форм получения удовольствия обуславливает и возможность разнообразных форм сексуальной практики, выходящих за рамки генитальной. В результате, понимание сексуального инстинкта как инстинкта удовольствия размывает границы нормы. Сексуальный инстинкт начинает рассматриваться как ненормальный только в случаях его фиксации на одной форме сексуального поведения или способа получения удовольствия.

Кроме того, в концепции Фрейда возникает идея социокультурного контроля, подавляющего и ограничивающего нашу сексуальность, что приводит к более глубокому культурному пониманию рассматриваемого феномена. Если сексуальный инстинкт является гибким по своей сути, это значит, что именно культура определяет его значение и задает выбор форм его удовлетворения (Фрейд, 1989, 1997).

Таким образом, несмотря на включение культурного аспекта в рассмотрение сексуальности, на рубеже XIX-XX веков преобладало биологизаторское прочтение этого феномена. Стоит отметить, что такая позиция часто воспроизводится и в современных исследованиях. Так, З. Лев-Старович отмечает, что «секс принадлежит к числу основных биологических потребностей, обусловливающих существование рода» (Лев-Старович, 1991:

24). А современная медицинская сексология часто связывает развитие сексуальности человека с чисто биологическими факторами (с наступлением полового созревания и изменением гормонального фона) (Кушнурук, Щербаков, 1984: 58).

Однако биологизаторский подход не объясняет разнообразие сексуальных практик в различных культурах. Ведь если основа сексуальности биологическая, следовательно, она практически одинакова у всех людей. Но как тогда объяснить, что в одних культурах секс считается нормальным явлением, в других – запрещается? Почему в одних обществах гомосексуальные отношения были распространены, в других считались греховными? Во второй половине XX века в качестве альтернативы возникают теории, утверждающие не просто влияние культурных факторов на особенности сексуальности, а трактующие сексуальность как исключительно культурный феномен. Этот поворот был реализован в работах М. Фуко и дальнейших разработках постмодернистской философии, а также в рамках социального конструктивизма.

Фуко поставил под сомнение биологическую природу сексуальности, вводя понятие «дискурса сексуальности». Под дискурсом понимается серия высказываний и текстов, которая задает способ рассуждения о какой-либо теме. Не природа, а дискурс сексуальности создал то, что мы знаем как секс. Мы не рождаемся сексуальными, а учимся ими быть. И происходит это только в обществах, в которых сформирована *идея* сексуальности. В рамках европейской культуры ее рождение происходит, по мнению философа, в XVIII - XIX веках. Это вовсе не означает, что была открыта новая, ранее неизвестная сфера человеческой жизни, новая «территория сексуальности» и до XVIII века отсутствовала сексуальная практика. Речь идет о том, что ученые сгруппировали такие феномены, как человеческое удовольствие, экстаз и действия в новый *объект знания и социальной регуляции,* назвав его сексуальностью. Идея дискурса также не предполагает, что техники тела формируются этими высказываниями. Скорее дискурс заставляет нас рассматривать, считывать определенные техники тела как сексуальные.

Фуко отмечает, что в европейской науке XVIII - XIX веках формируется не только идея секса, но и складываются основные диспозитивы знания по отношению к нему: истеризация тела женщины, педагогизация секса ребенка, социализация производящего потомство поведения и психиатризация извращенного удовольствия (Фуко, 1996: 204 - 206).

Первый из них проявился в том, что женское тело стало трактоваться как тело, «до предела насыщенное сексуальностью». Причина этого виделась во внутренне присущей ему патологии, что делало женскую сексуальность предметом медицинского контроля и лечения. В конечном итоге тело женщины должно было быть вписано в жесткие социальные рамки семейного пространства, «упорядоченной плодовитости» и заботы о детях.

Второй диспозитив означал двоякую трактовку детской сексуальности: с одной стороны, признавалось, что все дети обладают способностью к сексуальным действиям, с другой стороны, такие действия рассматривались как непозволительные. «Дети определяются как "пороговые" сексуальные существа,

как находящиеся еще по эту сторону от секса и одновременно - уже в нем, как стоящие на опасной линии раздела; родители, семья, воспитатели, врачи и психологи впоследствии должны будут взять на себя постоянную заботу об этом зародыше секса, драгоценном и гибельном, опасном и находящемся в опасности…» (Там же: 205).

Социализация производящего потомство поведения означала признание рождения детей единственной допустимой целью сексуальных отношений, и закрепление этой установки через экономические, политические и медицинские дискурсы.

Наконец, психиатризация извращенного удовольствия привела к выделению сексуального инстинкта в качестве автономного био- и психологического явления, после чего был проведен клинический анализ всех форм аномалий, которым он может быть подвержен. Сексу приписали роль нормализации и патологизации по отношению ко *всему поведению в целом* и предприняли попытку найти корректирующую технологию для этих аномалий.

В результате сексуальность становится центром в системе контроля эпохи модерна, в связи с формировавшимся политическим интересом в получении знаний о функционировании человеческого тела в целях повышения его «эффективности». Используя термин М. Фуко, происходит становление «новой технологии секса»: «Через посредство педагогики, медицины и экономики она превращала секс в дело не просто светское, но в дело государственной важности; и более того: в дело, внутри которого и социальное тело в целом и почти каждый из его индивидов призывались поставить себя под надзор… Технология эта развивалась по трем осям: педагогики, нацеленной на своеобразную сексуальность ребенка, медицины, нацеленной на сексуальную физиологию женщины и, наконец, демографии, имеющей целью спонтанное или согласованное регулирование рождаемости» (Там же: 219).

Становление постмодернистской философии оказало сильное влияние на дальнейшее развитие представлений о сексуальности, продолжив идеи, направленных против ее натурализации.

По мнению М.А. Можейко, основные положения концептуализации данного понятия были сформированы под воздействием ключевых парадигмальных установок постмодернистского мышления (Можейко, 2001: 706). Во-первых, произошло утверждение постметафизического стиля мышления, который отвергал идею существования за наличной феноменальной сферой неизменной ноуменальной основы. Это, в свою очередь, привело к утверждению принципиальной невозможности построения единой концептуальной модели как мира в целом, так и его феноменов. Соответственно, сексуальность перестала трактоваться как тотально физиологическая по своей основе и потому как константное, неизменное явление. На смену этой идее приходит рассмотрение различных исторических конфигураций сексуальных практик как способов семиотической артикуляции сексуальности как таковой, свойственных той или иной культуре.

Второй значимой идеей постмодернистского дискурса становится идея проблематизации – превращения того или иного социокультурного явления в

предмет рационального анализа и рефлексии. По определению М. Фуко, который и ввел данный термин, это «совокупность дискурсивных и недискурсивных практик, вводящих нечто в игру истинного и ложного и конституирующих эту игру в качестве объекта мысли (будь то в форме морального размышления, научного познания, политического анализа и т.п.)» (Фуко, 1996: 322). Проблематизация возникает, когда привычная форма явления ставится под сомнение, в результате чего возникает потребность в поиске новых его интерпретаций и технологий. Результатом проблематизации должны стать рационально артикулированные и рефлексивно осмысленные формы организации опыта применительно к явлению, построенные на основе нового его понимания. Причем, с точки зрения постмодернизма, проблематизации подвергаются не те явления, которые окружены многочисленными запретами, а те, которые находятся в «свободном развитии». Строгая регламентация задает однозначную трактовку и однозначные модели поведения, не оставляя места сомнениям. Свобода же, напротив, заставляет постоянно рефлексировать оценивать нечто с точки зрения допустимости или недопустимости, соответствия – несоответствия, моральности – аморальности.

Подобные процессы проблематизации происходят в современной культуре. В результате «заката больших нарраций» сфера эротики вышла из-под тотального контроля религиозных догматов и моральных кодексов, подвергаясь все большей либерализации. Соответственно «глобальное освобождение» сексуальности способствовало ее не менее глобальной проблематизации как в рамках индивидуального опыта, так и в философском дискурсе, где она стала одним из центральных предметов рефлексии. Соответственно смещается и акцент исследовательского поиска: изучению начинают подвергаться не формы и причины сексуального поведения, а «семиотические механизмы конструирования и функционирования сексуальности в паронтологических культурных контекстах» (Можейко, 2001: 707).

На трактовку сексуальности повлияло и становление неодетерминизма, с точки зрения которого любое состояние исследуемого объекта определяется не каузальным воздействием внешних факторов, а является результатом автономного и автохтонного самоорганизационного процесса. В соответствии с этим, сексуальность начинает видеться как исходно хаотичная и неравновесная. Если классическая традиция рассматривала ее в качестве производной по отношению к социальным институтам и моральным нормам, то постмодернистская философия усматривает в сексуальности индивидуальные усилия по самоорганизации и самоконституированию человеком себя в качестве субъекта сексуальных отношений и субъекта желания.

Наконец, вектором постмодернистской философской мысли выступила идея номадологического подхода, с точки зрения которого изучаемый предмет рассматривается как ризоморфный – то есть принципиально нелинейный в своей процессуальности. Соответственно, существующие конкретно-исторические формы феномена являются лишь версиями его актуализации, носящими принципиально частный характер и не претендующими на исчерпывающую его презентацию. При этом ни одна из этих версий не может

считаться обладающей большей культурной ценностью по сравнению с остальными, так как указанные актуализации рассматриваются как принципиально плюральные.

Анализ сексуальности в качестве культурного феномена был поддержан в рамках социального конструктивизма, представленного в работах В. Саймона (Simon, 1984, 1996), Дж. Викса (Weeks, 1985, 1991), С. Джэксон (Jackson, 1983, 1992), Л. Сегал (Segal, 1987, 1990) и др. Данное направление выступило с критикой эссенциалистского понимания общественных явлений в целом и утвердило идею социальной сконструированности сексуальности. С точки зрения сторонников данного подхода, безусловным приоритетом в формировании последней обладает не природа, а социокультурный контекст. Каждый человек с рождения обладает телом, однако именно общество определяет, какие части тела, действия и удовольствия, переживаемые человеком, являются сексуальными. Сексуальное желание можно обнаружить не в природе, а только в социокультурной реальности, и формы осуществления этого желания в жизни индивидов зависят от их культурного опыта. Таким образом, сексуальное желание выступает как продукт человеческой культуры, передаваемый не через гены, а через язык.

В результате за одними и теми же формами поведения разных людей могут стоять разные смыслы. Соответственно, происходит отказ от идеи глобальных сексуальных идентичностей и утверждение плюральности, множественности гомо-, гетеро- и бисексуальности.

Также социальный конструктивизм подчеркивает, что складывающаяся в рамках любого общества классификация на правильные и неправильные формы сексуального поведения является проявлением властных отношений. Доминирующие социальные нормы задаются господствующими социальными группами. В связи с этим важное значение приобретает анализ источников нормы, ответ на вопрос «кто производит стандарт?»

Таким образом, эволюция теоретических интерпретаций сексуальности представляет собой движение от биологизаторского к социокультурному ее прочтению. Первый подход, сформировавшийся в конце XIX – начале XX вв. и представленный сексологией и фрейдизмом, основывается на идее сексуальности как природного явления, свойственного каждому человеку от рождения. Она рассматривается как один из базовых инстинктов, оказывающий масштабное воздействие на поведение и личность человека. Сексуальность – это совокупность биологических, психофизиологических и эмоциональных реакций, переживаний и поступков человека, связанных с проявлением и удовлетворением полового влечения.

Второй подход, выраженный в философии постмодернизма и социальном конструктивизме, предполагает, что сексуальное социально сконструировано. Сексуальность понимается как текст, воплощающийся в репрезентациях, состоящий из сложной смеси социальных и личных значений, как дискурс (дискурсы), конструирующие эротические возможности.

Репрезентация как процесс производства значений

Даже краткий обзор понятия «репрезентация» показывает, что поле его использование чрезвычайно широко. Это право, политика, теория познания, теория искусства и философия. Однако, несмотря на эту обширность и разнообразие в толкованиях термина, во всех них прослеживается общая идея: репрезентация всегда, так или иначе, является выражением ситуации замещения. Поэтому наиболее общее определение, которое применяют к данному понятию, – это «представление одного в другом посредством другого» (Родионова, 2001: 651 –652). При этом все многообразие трактовок данного феномена можно, по мнению А. Р. Усмановой, свести к двум аспектам рассмотрения: репрезентация как «речь вместо» или «за кого-то», как это имеет место в политике, и репрезентация как «вос-произведение» (re-presentation) - определение, используемое в искусстве или философии (Усманова, 2001: 51).

Начиная с 1970-х годов, понятие репрезентации заняло особо важное место в изучении культуры, что стало результатом так называемого «культурного поворота» в социальном и гуманитарном знании, по-новому обозначившего понимание культуры.

С. Холл, один из ключевых представителей этого поворота, говорит о двух «традиционных» подходах к определению культуры. Первый представляет ее как совокупность лучших достижений человечества. «Это сумма великих идей, представленных в классических произведениях литературы, живописи, музыки и философии – «высокая культура» той или иной эпохи» (Hall, 1997: 4). Такое противопоставление высокой и популярной культуры, несущее в себе сильный оценочный аспект, по мнению исследователя, много лет было определяющим в структурировании дебата о культуре. Второй подход, характеризуемый Холлом как «антропологический», рассматривает культуру как специфический образ жизни людей, сообществ, наций и социальных групп (Там же: 5).

«Культурный поворот» в социальном и гуманитарном знании выдвигает на первый план в рассуждениях о культуре проблему значений и их производства. «Культура… является не столько набором вещей – романов и картин или телепрограмм и комиксов - сколько процессом, набором практик. Прежде всего, культура связана с производством и обменом значений – «приданием и извлечением смысла» – между членами общества или группы. Сказать, что два человека принадлежат к одной культуре, значит утверждать, что они интерпретируют мир примерно одинаковым образом и могут выразить себя, свои мысли и чувства о мире таким образом, который будет понятен друг другу» (Там же: 3). Такое понимание культуры выдвигает на первый план проблему репрезентации, понимаемой как процесс, посредством которого субъекты культуры делают мир осмысленным. Мы придаем вещам значение тем, как мы их репрезентируем – какие слова и сюжеты выбираем для их описания, какие визуальные образы используем, какие эмоции ассоциируем с ними, какие ценности приписываем, то есть каким образом классифицируем и концептуализируем эти вещи.

Репрезентация связывает значения и язык с культурой. Холл указывает, что репрезентация обозначает использование языка для производства осмысленного высказывания, это неотъемлемая часть процесса производства и обмена значениями между представителями культуры. «Она включает использование языка, знаков и визуальных образов, которые замещают собой, или репрезентируют, вещи» (Там же: 18). Объекты репрезентации не обладают смыслом сами по себе, он рождается в процессе интерпретации и коммуникации, кодирования и декодирования текстов и зависит от культурного контекста.

Холл выделяет две системы репрезентации:

1. «Ментальные репрезентации», то есть система понятий о явлениях и различных способов их группировки, систематизации и соотнесения между собой. Она составляет своеобразную «концептуальную карту», позволяющую человеку интерпретировать окружающий его мир. Причем в рамках одной культуры индивидуальные карты схожи, что позволяет представителям данной культуры выстраивать схожие представления о мире.

2. Язык, то есть система знаков, с помощью которой ментальные репрезентации могут быть выражены и включены в процесс обмена между людьми. При этом Холл подчеркивает, что «язык» - крайне широкое понятие, не ограничивающееся лингвистическими феноменами и включающее любую систему знаков.

Таким образом, репрезентация – это процесс производства значений в языке. Суть этого процесса заключается во взаимодействии трех составляющих: «вещей», то есть объектов и процессов внешнего мира, понятий, в которых зафиксированы представления об этих «вещах», и языка, то есть знаков, в которых эти представления выражаются.

С точки зрения Холла, все существующие теории репрезентации можно свести к трем подходам: отражательному (или миметическому), интенциональному и конструктивистскому (Там же: 24-26). С точки зрения первого, значения уже содержаться в объектах и явлениях окружающего мира, и задача языка, подобно зеркалу, состоит в отражении этих «истинных» значений, уже содержащихся в мире. К подобным теориям принадлежат сформулированные еще в античности идеи о миметической природе искусства. Второй подход отстаивает противоположную точку зрения. В соответствии с ним, именно автор, говорящий, наделяет своими значениями окружающий мир. Слова значат то, что автор хочет, чтобы они значили.

Третий же подход, которого придерживается и сам автор, подчеркивает социальный характер языка. Согласно этому подходу, «мы не должны путать материальный мир, в котором существуют люди и вещи, с символическими практиками и процессами, посредством которых работает репрезентация, значение и язык. Конструктивисты не отвергают существование материального мира. Однако, не материальный мир передает значения, а система языка или любая другая система, которую мы используем, чтобы представлять свои концепты» (Там же: 25).

Если репрезентация – это всегда определенное сопряжение между

реальностью, смыслом, вкладываемым в реальность, и знаком, который его отражает, то тогда возникает вопрос о соотношении этой реальности и самой репрезентации.

В решении этого вопроса существует два подхода. Первый из них – традиционный – утверждает, что вышеуказанные явления соотносимы. Репрезентация – это отражение реальности, она возникает, когда эта реальность нам в силу каких-то обстоятельств недоступна. Поэтому она рассматривается как нечто запаздывающее по отношению к присутствию, «то есть репрезентация возникает в силу отсутствия (в момент репрезентирования) объекта, который она репрезентирует» (Родионова, 2001: 651). Эта идея соотнесенности дает возможность проверки репрезентации на истинность, когда мы можем рассуждать о том, насколько точно репрезентация отражает реальность или, напротив, искажает ее.

Однако более предпочтительным, по нашему мнению, является второй подход – конструктивистский. В нем возникает и утверждается идея о том, что, репрезентация – это единственная реальность, с которой мы имеем дело. Как отмечает А. Р. Усманова «… репрезентация (пусть даже помысленная как присвоение другого Себе, а не представление Другого) – это ключевая культурная практика, какова бы ни была ее негативная сущность, практика перевода с одного языка на другой, или включения до- и вне-семиотических феноменов в культурный мир: вне репрезентации просто ничего не существует. Реальность репрезентации – это единственная реальность, которой мы располагаем» (Усманова, 2001: 53). Соответственно репрезентация сама выступает конституирующим элементом. Она создает событие, которое проявляется только в самом процессе репрезентации. Не стоит думать, что конструктивистская парадигма приводит к идее того, что весь мир представляет собой нагромождение ложных иллюзорных представлений. Она вообще снимает проблему их ложности, потому что с точки зрения данного подхода, как указывалось ранее, объективная реальность существует, однако дается нам только в знаковых формах, только в репрезентациях. Смысл не содержится в этом мире, а вносится в него нами в процессе репрезентации.

На наш взгляд, конструктивистское понимание природы и специфики репрезентации является предпочтительным. Более того, при изучении Интернета оно является более адекватным специфике объекта, так как в виртуальном пространстве мы сталкиваемся с полем конструирования. Конструктивистский подход позволяет снять проблему истинности или ложности репрезентаций и сконцентрировать внимание на механизмах создания репрезентации и смыслах, вкладываемых в нее.

Конструирование социокультурных смыслов сексуальности в молодежных форумах

Здесь представлены результаты части диссертационного исследования, посвященного анализу форм репрезентации сексуальности в молодежном сегменте Рунета. В данном случае эмпирическую базу составили разделы,

посвященные обсуждению вопросов сексуальности в рамках русскоязычных форумов, позиционирующих себя как «молодежные»:

- AliveSpirit | Молодежный Интернет Форум,
- Молодёжный форум YouRUM.ru,
- Girl and Boy. сайт для молодежи,
- Пазитифф: молодежный форум.

При анализе форумов мы выявили, что их содержание включает в себя, с одной стороны, непосредственное обсуждение, разворачивающееся между участниками, а с другой, разнообразные Интернет-статьи, заявленные в качестве главных постов в теме, подлежащих обсуждению, являющиеся частью более широкого медиаконтекста,. В данной статье анализируются последние. Изучению подвергаются социокультурные смыслы сексуальности, конструируемые данными текстами научно-популярного характера.

Строго говоря, статьи эти не являются частью исключительно молодежного контекста, более того, большая их часть заимствована из печатных изданий, чаще всего из так называемых глянцевых журналов. Однако включение их в пространство молодежных сайтов говорит о том, что данные статьи становятся частью конструирования культурных смыслов сексуальности, ее репрезентации именно в молодежной среде. Само наличие таких статей в рамках форумов подтверждает идею о значимости медиадискурса в современной культуре в целом, и в молодежной – в частности. Медиаобразы утверждают себя в качестве одного из механизмов, конструирующих наше восприятие мира, причем в данном случае мы сталкиваемся даже со своеобразным удвоением медиареальности, когда журнальные статьи воспроизводятся в Интернет-пространстве.

Дискурс сексуальности, разворачиваемый в рамках этих статей, можно условно разделить на «научный» и «паранаучный». Первый представлен разнообразными данными научных исследований о сексуальном поведении, особенностях физиологии и анатомии организма, а также психологических особенностях разворачивания сексуальности. Второй дискурс состоит из сексуальных гороскопов, данных о сексуальности нашего имени и тому подобного.

Стоит отметить, что «научный» дискурс, безусловно, главенствует. Он призван дать именно *экспертную* оценку в вопросах секса, что подчеркивается противопоставлением ученых другим источникам информации.

«Противозачаточные средства до сих пор остаются источником мифов и предрассудков. Зачастую это обусловлено тем, что о таком интимном вопросе предпочитают консультироваться у *«главных» специалистов – мам, подруг, форумов, но никак не у специалистов*. Межевитинова Елена Анатольевна, д.м.н., ведущий научный сотрудник ФГУ Научный центр акушерства, гинекологии и перинатологии им. В.И. Кулакова Росмедтехнологий, эксперт проекта «Сюрпризов - нет!» попробует разобраться, что из этого – правда, а что – нет». (см. Примечание 1)

(«11 мифов о контрацепции»).

Механизмом придания «научности» дискурсу является использование конкретных фамилий ученых, их регалий, указание их мест работы. Если же эти элементы отсутствуют, то научность данных все равно подчеркивается путем введения упоминаний об «американских ученых», «британских сексологах», «специалистах», «десяти *научных* фактах о любви» и т.п.

Анализ показал, что Интернет-статьи фактически воспроизводят понимание сексуальности, характерное для теории начала XX века. Мы выделяем следующие ключевые аспекты конструирования сексуальности в них:

- биологизаторское понимание сексуальности,
- рассмотрение секса в терминах здоровья,
- нормализация сексуальности,
- типологизация и экзотизация

1. Биологизаторское понимание сексуальности.

Первое, что обращает на себя внимание в рамках рассматриваемого медиадискурса, это понимание сексуальности, а также любви, как практически исключительно биологических характеристик. Более того, именно биологическая трактовка данного феномена позиционируется как признак собственно научности ее рассмотрения:

«Десятки биологов берут анализы крови, меряют пульс и сравнивают поведение людей в попытке объяснить любовь с *научной точки зрения*».

(«10 научных фактов о любви»).

Биологическая трактовка выстраивается с помощью нескольких механизмов. Во-первых, сексуальное поведение и его особенности объясняются уровнем гормонов в организме, активизацией особых зон коры головного мозга, даже особенностями группы крови и другими физиологическими процессами.

«Сон эротического характера – сигнал о том, что *количество половых гормонов в крови повышено*.

(«И снова про сны»)

«Если сделать *томографию мозга влюбленного* человека, можно заметить одну интересную деталь: у него будут очень сильно возбуждены две зоны, отвечающие за так называемую систему наград. Ученые объясняют это *воздействием повышенных доз дофамина* — вещества, обычно вызывающего чувство удовольствия».

(«10 научных фактов о любви»).

Во-вторых, эти особенности нашего поведения объясняются их длительным эволюционным происхождением. Понимаемые в таком ключе, выделяемые характеристики приобретают статус фундаментальных, неизменных. Причем их основополагающий статус определяется тем фактом, что данные свойства становятся необходимым биологическим условием выживания человечества.

«Ученые убедились, что романтическая любовь у людей — это видоизмененная форма увлечения у животных. Она появилась у наших предков как *способ выживания*. Иными словами, любовь помогает экономить усилия, чтобы не разбрасываться, а добиваться одного партнера с *целью продолжения рода*».

(«10 научных фактов о любви»)

«Сексуальный голос мужчины - залог привлечения сексапильных партнерш. Этому есть *эволюционное объяснение*: большую часть человеческой истории вплоть до изобретения искусственного освещения именно *голос являлся ориентиром в выборе объекта интимных отношений ночью*. По крайней мере, к такому выводу пришел профессор психологии доктор Гордон».

(«14 научных фактов, которыми поделились ученые»)

Более того, дискурс выстраивается на подчеркнутом отнесении человека к биологическим существам, что проявляется, с одной стороны, в прямых отсылках к его биологической сущности.

«По мнению некоторых сексологов, межвидовой секс, т.е. секс с другими видами животных (*а человек, как известно, - самое настоящее животное*) - не такое уж извращение».

(«Секс: где кончается "естественно" и начинается "безобразно"?»)

«Мужчина - существо, *прежде всего биологическое*, а уже потом социальное».

(«Что толкает мужчин на измены»)

Кроме того, сам порядок построения текста, описывающего секс как универсальную характеристику всего живого, ставит человека один ряд с животными. Примером могут служить разнообразные подборки фактов о сексе, объединяющие в единый текст характеристики человека и животного.

«… 3 Только лишь *люди и дельфины* ***из всех млекопитающих*** занимаются сексом для собственного удовольствя. Остальные - продолжают род.

4 Самая яркая половая жизнь у *божьих коровок*. Они занимаются любовью ежедневно по 9 часов, оргазм длится 90 минут и может наступать 3 раза подряд.

<…>

9. При знакомстве *парень* за 3 секунды решает, хочет ли он заняться с этой девушкой сексом или нет. *Барышне* для принятия решения нужно гораздо больше - целых 8 секунд.

10. А вот *самец мыши* определяет, подходит ли ему та или иная самка, всего-навсего за 1 секунду. И не мучается никакими сомнениями по этому поводу…» (курсив мой – Ю.Е.)

(«36 sex фактов»)

2. Рассмотрение секса в терминах здоровья.

Практически универсальной характеристикой репрезентации сексуальности в медиадискурсе становится рассмотрение его в терминах здоровья. Обсуждению подлежит его влияние на организм человека, что опять же ставит сексуальность в разряд биологических характеристик и фундаментальных потребностей человека. Секс трактуется чаще всего как не просто полезная для здоровья практика, которая может выступать в качестве «лекарства», но и как необходимое условие здорового человека, недостаток которой ведет к негативным последствиям. Причем определению подлежит не только положительные аспекты секса на состояние анатомии и физиологии, но и необходимая частота сексуальных отношений, отклонение от которой также может привести к нежелательным результатам.

«Так *как же часто* нужно предаваться интимным ласкам *с пользой для здоровья?*

Специалисты уверяют, что лучше всего заниматься сексом 2-3 раза в неделю. Если интимная близость становится более редкой, то это может *негативно сказаться на здоровье партнеров*».

(«Как часто нужно заниматься сексом?»)

«Секс действительно помогает при определенном количестве заболеваний, продлевает жизнь и укрепляет здоровье, так что его вполне *можно признать хорошим лекарственным и косметическим средством*»

(«Чудо-врач секс»)

Более того, секс становится не только условием здоровья, но и приобретает инструментальную ценность, позволяя достигать косметологического эффекта, поддержания тонуса, в конечном итоге, он становится необходимым условием и продления молодости. Секс не просто приятен, но и полезен и жизненно необходим.

«Вы хотите быть *молодыми и красивыми*? Мечтаете о блестящих, густых волосах и упругой, свежей коже? Занимайтесь сексом!».

(Чудо-врач секс)

«Секс — это *тоже физическое упражнение*. Один страстный половой акт сжигает 200 калорий — примерно столько же, сколько 15 минут бега на беговой дорожке или партия в сквош. <…> Журнал Men's Health даже назвал постель «*самым лучшим спортивным снарядом, который когда-либо был изобретен*».

(«Что лечит секс?»)

Альтернативным данному позитивному пониманию, но и более редким, является прочтение секса в качестве потенциальной угрозы, несущей возможность не только болезней, но и смерти. Однако, во-первых, и эта дискуссия является также примером трактовки сексуальности в терминах здоровья. А во-вторых, происходит очерчивание границ потенциальной угрозы, либо за счет возраста, либо определения «группы риска»

«В основную группу риска попали люди, которые испытывают затруднения с работой сердца, резкие перепады артериального давления, а также заболевания дыхательных путей в острой форме».

(«Секс может стать смертельным»)

Стоит отметить, что два рассмотренных выше аспекта конструирования сексуальности, задаваемых медиадискурсом и поддерживаемых в рамках обсуждений, существуют не обособленно друг от друга. Они работают как ансамбль, усиливая звучание каждого: здоровье понимается как биологическое, а биологическое как здоровое.

3. Нормализация сексуальности.

Сексуальность в рамках разнообразных статей репрезентируется сквозь призму нормы. Причем присутствие нормы является тотальным: задается нормативный уровень знаний о сексе (примером чего может служить тест «Познали ли вы секс?»), числа половых актов, средней длительности поцелуя и т.п. Более того, секс в целом попадает в зону нормативности, когда нам предписывается его необходимость, что можно заметить уже в самих формулировках тем, например, «Как часто *нужно* заниматься сексом?»

Нормативность определяется и рассмотренным выше пониманием сексуальной практики как необходимого условия здоровья, отсутствие которой автоматически выносится в зону «аномальности».

Норма задается чаще всего через среднюю величину: «среднестатистический половой акт», «самая популярная поза», «средняя длина "мужского достоинства" в возбужденном состоянии», «средний возраст начала половой жизни», «средняя длина влагалища». Другим вариантом является конструирование некой идеальной нормы, но и в том и в другом случае источником нормы опять же становятся ученые.

«По этим данным, примерно 30% людей имеют повышенное сексуальное влечение. Напротив, 60% мужчин и женщин не испытывают особой страсти к постоянным половым актам. И лишь *10% взрослых эксперты отнесли к тем, у кого уровень любвеобильности находится в норме»*.

(«14 научных фактов, которыми поделились ученые»)

При таком подходе человек всегда находится в ситуации проверки себя на соответствие этой норме, всегда попадает в ситуацию необходимости пристальной рефлексии над своими эмоциями, телесными проявлениями, и все это с целью определить свою нормальность, вписать себя в классификацию. В результате, одним из постоянных элементов форумов становятся голосования и тесты («Познал ли ты секс?», «Знаешь ли ты секс-этикет?», «Умеете ли вы любить?»).

Это пристальное внимание к сексу, очень соотносится с идеями М. Фуко о том, что в рамках европейской культуры на протяжении последних веков, а особенно в современной культуре, секс не скрыт, а напротив, ярко присутствует на общественной сцене. Он становится центром «петиции о знании», подвергаясь постоянному проговариванию и анализу, так как предполагается, что знание о нем откроет нам истину о нас самих. «…Наша обязанность - знать, как обстоят дела с ним, тогда как сам он подозревается в том, что знает, как обстоит дело с нами» (Фуко, 1996: 176).

Более того, рассмотрение секса в терминах нормы/отклонения является проявление властных механизмов особого рода, не связанных с прямым запретом, власти, основанной «не на праве, а на технике, не на законе, а на нормализации, не на наказании, а на контроле» (Там же: 188). Через конструирование нормы, через ее постоянное повторение, властные механизмы задают нам основы приемлемого поведения, при этом ненормативное вытесняется в зону «неговорения».

Наш анализ показал, что в такую «зону умалчивания» в рамках рассматриваемых нами статей, попадает гомосексуальность. Сексуальность репрезентируется в виде нормативной гетеросексуальности**.** Этот аспект специально не подчеркивается, не выстраивается оппозиций между гомо- и гетеросексуальностью. Однако весь дискурс построен на рассмотрении сексуальных отношений как гетеросексуальных «по умолчанию». Обращаясь к тестам, мы наталкиваемся на примеры исключительно гетеросексуальных отношений, например:

«Ты хочешь заняться любовью, но не *уверена*, хочет ли *он* того же», «На

конференции ты *встретила* привлекательного *мужчину*. Твоя реакция».

(Тест «Знаешь ли ты секс-этикет?»)

Рассматривая биологическую пользу секса, в качестве одного из положительных эффектов называется обмен гормонами; в рассуждениях об эротических снах, отмечается, что

«Большинство *мужчин* (76%) видят абстрактные сексуальные сны, в которых занимаются сексом с абстрактной же *партнершей*… При этом, когда они фантазируют во время полового акта, то представляют себе вполне реальную *даму*. … *Женщины* (65%) обычно грезят во сне о конкретном человеке (*собственном муже, соседе, Антонио Бандерасе* и т.п.)».

(«Про эротические сны»).

При этом нормативная гетеросексуальность строится на четком противопоставлении мужчины и женщины, которые трактуются с одной стороны, как схожие в потребностях, но как оппозиционные в своих характеристиках. Представители двух полов становятся объектом сравнения и сопоставления, результатом которого становится конструирование различий построенных именно на противопоставлении. Причем эта «установленная» противоположность понимается как фундаментальная и врожденная. Результатом становятся бесконечные классификации и списки черт, отличающих одних от других.

«Почему-то очень многие считают, что мечты во время занятий сексом или мастурбацией абсолютно тождественны эротическим снам. Или что подход к ним у *мужчин и женщин одинаков*. Да вовсе *это не так*! Прямое доказательство этому – грубая, но точная наука статистика».

(«Про эротические сны»)

«Если в мужском имени слышится *твердость и уверенность*, а в женском достаточная *мягкость и певучесть* — это уже залог того, что оно притягательно для лиц противоположного пола».

(Насколько сексуально ваше имя)

«Уже с колыбели *женщина и мужчина ведут себя по-разному*: мальчики сучат ножками, девочки внимательно изучают окружение».

(10 различий в поведении юношей и девушек)

Таким образом, исследование выявило, что в рамках современной культуры в целом, и молодежной культуры в частности, происходит конструирование исключительно двух полов, направленных друг на друга, что получило название «гетеросексуальной матрицы» в работах Джудит Батлер (Butler, 1990, 1993).

Гетеросексуальная матрица - это вариант реализации властных отношений, который с помощью биологических, медицинских и сексуальных категорий и классификаций создает два интеллигибельных вида, мужчину и женщину. Причем оба они представляют собой своеобразное единство, как бы дополняя друг друга в области физиологии, сексуального желания и социальных ролей. Т. Пулькинен, анализирующий перформативную теорию гендерной идентичности Дж. Батлер, описывает эту ситуацию следующим образом: «Мужское тело, желание, направленное на женщину, и мужская роль, с

одной стороны, и женское тело, желание, направленное на мужчину, плюс женская роль, с другой стороны. Таковы две возможности, предоставленные знанием-властью, которая продуцирует понятность и нормальность» (Пулькинен, 1999: 168).

Рассматривая современную западную культуру, Дж. Батлер отмечает, что в ее рамках невозможно находиться за пределами различения на мужчин и женщин. В каждый момент своей жизни мы идентифицируемся и классифицируемся как представитель одного из полюсов этой дихотомии.

4. Типологизация и экзотизация.

Специфическим ракурсом репрезентации сексуальности в медиадискурсе, являющимся частью молодежных форумов, становится рассмотрение его в терминах экзотики. К этому направлению будут относиться разнообразные материалы, касающихся «невероятных» сексуальных ситуаций, крайностей в сексуальном развитии и т.п. Например, «Стала известна жуткая правда о Камасутре», «Секс: где кончается естественно и начинается безобразно?», «Законы про любовь – забавные законы про секс», «Самые тупые законы о сексе».

Посредством экзотизации, с одной стороны, секс начинает переводиться за границы обыденного, зачастую попадая в зону карнавальности, смеха. Однако, с другой стороны, экзотизация является обратной стороной нормализации, представляя собой единый механизм с последней. Рассказывая о сексе «за гранью», дискурс конституирует границы нормы.

«Индийские ученые провели необычное исследование, связанное с Камасутрой, древним индийским трактатом о любви. В классическом его варианте описаны 64 позы для секса, для осуществления каждой из которых требуются определенные физические навыки. 7 пар добровольцев проверяли, по *силам ли человеку* выполнение каждой из них.

В результате проведенного эксперимента выяснилось, что *современному человеку подвластны не более 40 описанных позиций.*

Специалисты *предостерегают* любителей Камасутры *от смелых экспериментов*, которые часто заканчиваются серьезными физическими повреждениями»

(«Стала известна жуткая правда о Камасутре»)

Наконец, рассматривая медиадискурс и обсуждения в форуме, надо отметить, что человеческая сексуальность преподносится через систему классификаций, обобщений, причем как в научном, так и паранаучном дискурсе. Формируется идея, что все люди могут быть вписаны в определенную «систематику», заняв в ней место в зависимости от знака зодиака, группы крови, имени и т.п. Такое ранжирование не дает пространства индивидуализации, что опять же противоречит современной теоретической трактовке сексуальности, которая строится на идее сексуальности как индивидуального дискурса, индивидуальной истории, индивидуального способа проживания и конституирования себя.

Здесь снова хочется отметить, что рассматриваемые нами аспекты

конструирования сексуальности образуют единый ансамбль. В данном случае типологизация и возникающая на ее основе потеря индивидуальности поддерживается в свою очередь и используемыми в текстах разнообразными обобщениями статистического порядка и введением нормы как усреднения.

Примечания:

1. Здесь и далее в цитатах курсив автора.

Список литературы:

1. Кушнурук Ю. И., Щербаков А. П. Популярно о сексологии. – Киев: София, 1984. – 318 с.
2. Лев-Старович З. Секс в культурах мира. – М.: Мысль, 1991. – 518 с.
3. Можейко М. А. Сексуальность в постмодернизме // Постмодернизм: Энциклопедия. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – С. 706 – 707.
4. Пулькинен Т. О перформативной теории пола. Проблематизация категории пола Юдит Батлер // Герменевтика и деконструкция / Под ред. В. Штегмайера, Х. Франка, Б. В. Маркова – СПб. : Б.С.К.,1999. – С. 167 – 181.
5. Родионова С.А. Репрезентация // Постмодернизм: Энциклопедия – Минск: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. – С. 651 –652
6. Усманова А. Р. Репрезентация как присвоение: к проблеме существования другого в дискурс // Топос– 2001. – №1(4). – С. 50 – 66
7. Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности. – М.: Медицина, 1989. – 189 с.
8. Фрейд З. Психоаналитические этюды. – Минск: ООО «Попури», 1997. – 606 с.
9. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / Пер. с франц. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
10. Butler J. Bodies that Matter: On the Discursive Limits of 'Sex'. – London: Routledge, 1993. – 297 p.
11. Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. – London: Routledge, 1990. – 256 p
12. Hall S. Representation. // Cultural Representation and Signifying Practices (ed. By S.Hall). – SAGE Publication, 1997. – P. 3–74
13. Jackson S. The Amazing Deconstructing Woman // Trouble and Strife – 1992. – Vol. 25. – P. 25–35.
14. Jackson S. The Desire for Freud: Psychoanalysis and Feminism // Trouble and Strife. – 1983. – Vol. 1. – P. 32–41.
15. Segal L. Is the Future Female? Troubled Thoughts on Contemporary Feminism. – London: Virago Press, 1987. – 272 p.
16. Segal L. Slow Motion: Changing Masculinities. – London: Virago Press, 1990. – 396 p.
17. Simon W. Postmodern sexualities. – London: Routledge, 1996. – 179 p.
18. Simon W., Gagnon J. Sexual Scripts // Society. – 1984. – № 22 (1). – P. 53–60.
19. Weeks J. Against Nature: Essays on History, Sexuality and Identity. – London : Rivers Oram Press, 1991. – 224 p.
20. Weeks J. Sexuality and its Discontents: Meanings, Myths and Modern Sexualities. – London: Routledge and Kegan Paul, 1985. – 324 p.